УДК 94(47).084.8
DOI: 10.51255/2311-603X_2021_2_101

Н. А. Ломагин

Кругом вода, а рыбы нет: к вопросу об обеспечении Ленинграда местными ресурсами в период блокады, 1941–1944 гг.

> 19 марта 1942 г. председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову, его заместителю заведующему отделом торговли И. А. Андреенко и в Радиокомитет было направлено коллективное анонимное письмо, написанное от имени женщин-иждивенцев. Выразив категорическое несогласие с позицией власти по вопросам распределения продовольствия, в конце своего эмоционального обращения авторы послания затронули вопрос, который волновал многих горожан: «Ленинград кругом в воде, а никакой рыбы никто не видит»[1].

Одна из проблем, которая по-прежнему занимает интересующихся историей блокады Ленинграда, касается того, какими рыбными ресурсами располагал к началу вражеской осады Ленинград и в какой степени они были использованы для удовлетворения потребностей населения. Что на «рыбном» фронте делали органы власти для пополнения скудных продовольственных запасов? Занимались ли ленинградцы индивидуальным ловом?

В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, используя прежде всего архивные документы Ленинградских Обкома и Горкома ВКП(б), Военного Совета Ленинградского фронта, а также треста «Ленрыба». К сожалению, эти источники, как, впрочем, и материалы личного происхождения, весьма отрывочны. Например, в Смольный поступило несколько предложений

от инициативных сотрудников партийного аппарата, а также граждан организовать лов рыбы зимой 1941–1942 гг. Реакция секретаря Горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова была вполне конструктивной и определенные решения, в том числе по линии Военного Совета Ленинградского фронта, были приняты. Однако статистические результаты исполнения этих решений представлены лишь в ретроспективе, т. е. в отчетных материалах за 1944–1945 гг., в которых данные за первый год блокады были помещены в таблицы деятельности профильного треста «Ленрыба» за период войны. Что же касается архивных материалов самого треста, то в ЦГА СПб отложились лишь его годовые планово-финансовые отчеты, которые содержат весьма скупые объяснительные записки о причинах невыполнения плана, а в 50-страничном бухгалтерском отчете за 1941 г. нет совсем никаких комментариев.

Отметим, что сведения о производственных результатах работы треста «Ленрыба», подготовленные его сотрудниками в 1942–1943 гг., несколько отличаются от информации, направленной секретарям Ленинградских ОК и ГК ВКП(б). Возможно, при подготовке данных для А. А. Жданова в 1943 и 1944 гг. были внесены коррективы с учетом новых сведений, не нашедших отражения в первичных материалах «Ленрыбы» и других рыбодобывающих организаций. Возможно, авторы записок, желавшие не только сохранить, но и существенно нарастить потенциал рыбодобывающей отрасли города, несколько приукрасили достижения в первые годы войны, демонстрируя наличие основательного фундамента для предлагавшегося проекта, реализация которого требовала помощи правительства страны.

Материалы других ведомств, связанных с контрольной функцией в сфере распределения ограниченных продовольственных ресурсов (милиции, Управления НКВД, прокуратуры), не приводят сведений, которые бы проливали свет на «рыбный» вопрос в осажденном Ленинграде. Объекты контроля находились, как правило, за чертой города, и до них просто не доходили руки. В частности, рыба как предмет купли-продажи или бартера на черном рынке не фигурирует ни в одном из отчетов правоохранительных органов.

Уполномоченный Государственного Комитета Обороны по обеспечению продовольствием г. Ленинграда и Ленинградского фронта Д. В. Павлов в книге «Ленинград в блокаде» предпочел не упоминать о решении Военного Совета фронта об организации лова рыбы, принятом в октябре 1941 г. Автор либо не хотел объяснять причины, по которым оно было провалено, либо знал, что руководство в Москве всерьез не рассматривало рыбные ресурсы Ленинграда как существенный фактор пополнения скудных продовольственных запасов.

Многочисленные исследователи блокады также не упоминают лов рыбы в качестве стратегии выживания горожан, хотя про единичные случаи говорится в отдельных дневниках и воспоминаниях, в частности ответственного работника Ленинградского торгового порта Б. Л. Бернштейна[2].

В современных исследованиях о рыбопромысловой деятельности в СССР в годы войны ленинградский регион не представлен[3], хотя необходимый базовый материал для изучения проблемы был обобщен в сборнике статей под редакцией назначенного на должность управляющего трестом «Ленрыба» в октябре 1941 г. А. С. Черкасова[4]. Об этом издании стоит сказать несколько подробнее. Через два года после начала блокады у Смольного возникла идея рассказать руководителям ленинградских предприятий, а также горожанам о том, что в Ленинграде имелись существенные возможности улучшения рациона питания за счет добычи рыбы. Составителям удалось собрать подготовленные еще до войны материалы ученых о рыбном потенциале региона. Издание, выпущенное в популярной форме, было призвано помочь предприятиям города создать эффективные подсобные рыболовецкие хозяйства, а также научить желающих правильно использовать имевшиеся водные бассейны, разъясняя, где и как можно ловить рыбу.

В некотором смысле брошюра была признанием того, что предыдущие попытки организовать добычу рыбы силами треста не увенчались успехом. Опыт массового огородничества и ряд других инициатив, направленных на использование местных ресурсов, показал, что при незначительных вложениях средств и организационной поддержке можно решить серьезную задачу, опираясь на энтузиазм горожан. Однако рыбный промысел был куда сложнее как с точки зрения оснащения хозяйств, так и навыков, и мог представлять серьезный вызов руководителям предприятий, вынужденных отбирать из числа рабочих и ИТР тех, кто не только хотел, но и мог обеспечить эффективный лов, при котором результат существенно превосходил бы издержки, включая возможное снижение показателей по основному виду деятельности, как правило, связанному с выпуском военной продукции.

Вопрос о распределении крайне ограниченных ресурсов («пушки или масло», в нашем случае — рыба) был ключевым на всех уровнях — городском, отдельных предприятий и учреждений, а также домохозяйств (семьи). С началом войны свободного времени у большинства ленинградцев было мало — рабочий день мог длиться до 12 часов в сутки, так как уже 26 июня 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, разрешавший обязательные сверхурочные работы. Важнейшей стратегией ленинградцев на протяжении всей блокады была работа и получение карточки первой категории. Это означало, что у занятых на производстве был ненормированный рабочий день, и они подчас находились на казарменном положении.

Осенью и особенно зимой 1941–1942 гг. много времени занимали хозяйственно-бытовые проблемы, связанные с отовариванием карточек, поиском воды, дров и др. Горожане (главным образом женщины) часами стояли в очередях за хлебом, потому что получить продовольствие по просроченным карточкам было невозможно. Пожалуй, единственную категорию населения, которую можно было бы организовать и обучить лову рыбы, составляли подростки —

учащиеся ремесленных училищ, готовые практически на все, однако их лишь в редких случаях привлекали к работе в рыболовецких хозяйствах в качестве учеников-мотористов. Иными словами, как утверждает хорошо известная в экономической литературе теория перспектив, при выборе той или иной стратегии поведения люди прежде всего руководствуются *неприятием потерь*. Трудно представить себе осенью — зимой 1941–1942 гг., т. е. во время, когда существовал запрет на свободное передвижение и действовал комендантский час, кого-либо, кто в разрешенный временной интервал сделал бы выбор не в пользу получения хлеба по карточкам, отстояв несколько часов в очереди, а рискнул бы и пошел ловить рыбу при отсутствии хороших снастей и каких-либо навыков. Как отмечал лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Канеман, ни о каком выборе не может быть и речи, «если возможные потери обернутся катастрофой или под угрозой окажется ваш образ жизни. В таких случаях коэффициент неприятия потерь огромен и зачастую стремится к бесконечности — есть риск, на который вы не пойдете...»[5]

Для историков брошюра о рыбодобыче во внутренних водоемах интересна прежде всего тем, что в ней содержатся сведения, проливающие свет на рыбный потенциал города до войны. В мирное время водоемы города и области могли обеспечить снабжение ленинградцев свежей рыбой на уровне 60–70 % от среднесоюзного потребления рыбопродуктов на душу населения[6], а с учетом планов по разведению и выращиванию рыбы на специальных станциях в городе, о чем пойдет речь ниже, — до 80 %. Фактическая добыча была куда ниже.

Рыбный потенциал Ленинграда к началу войны

Еще в 1932 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства осуществил фундаментальное исследование 1311 озер Ленинградской области. Их общая площадь составила чуть меньше 245 тыс. га, а средняя продуктивность была оценена специалистами в 22,1 кг рыбы на один гектар[7]. Это значит, что потенциал промысла только в озерах был значительным и составлял 54 145 центнеров рыбы в год.

Нева также была весьма богата в рыбопромысловом отношении. Она является местом нереста балтийского лосося, ряпушки, корюшки и других рыб. В общей сложности в Неве насчитывалось 17 видов рыбы, которые имели промысловое значение. Первое место в валовой добыче рыбы до войны занимала корюшка (85 %), на миногу приходилось 5 %[8]. В целом, по подсчетам специалистов, сделанным в 1936 г., ежегодный потенциал рыбного промысла на Неве характеризовался следующими данными: корюшка — до 8 тыс. центнеров, минога — 900 центнеров, ряпушка — 200 центнеров, лосось — 200 центнеров, сиг — 100, прочие рыбы — 1 тыс. центнеров. Таким образом, на Неве при благоприятных условиях можно было выловить 10 400 центнеров рыбы в год[9].

Промысел рыбы в Финском заливе был возможен в весьма широких масштабах на протяжении всего года, так как основными объектами промысла были постоянные обитатели этих вод, которые лишь перемещались с открытых мест к берегам и обратно в зависимости от времени года и температурного режима. В основном в Финском заливе ловили салаку, удельный вес которой в общем улове составлял 60%, далее шел судак (15–20%), корюшка (10–15%), окунь (5%), плотва (5%), лещ (5%), сиг (1%). Промысел лосося, тайменя, угря и миноги в Финском заливе осуществлялся в незначительных количествах, потому что считался неперспективным.

Ладожское озеро представляло важнейший ресурс рыбного промысла. В нем было более 40 видов рыб, из которых 12–15 видов имели промысловое значение. В южной части озера в 1930-е гг. уловы находились в пределах 13–44 тыс. центнеров в год. По подсчетам специалистов, в южной части годовой вылов мог составить 50–55 тыс. центнеров. В северной части озера в 1939 г. удалось поймать чуть менее 35 тыс. центнеров рыбы[10]. Таким образом, на Ладоге можно было добывать до 85–90 тыс. центнеров рыбы в год.

В условиях блокады особое значение имели пригородные районы Ленинграда и особенно Парголовский, в котором насчитывалось 18 рыбопромысловых озер общей площадью в 3684 га. Во всех озерах в довольно значительном количестве водилась рыба частиковых пород[11]. Кроме того, в Лемболовском озере в большом количестве имелись судак, ряпушка и снеток. Лучшими в промысловом отношении озерами были Хепиярви, Кавголовское, Курголовское, Лемболовское. Однако промысловый лов в озерах Парголовского района не проводился.

Несложные арифметические подсчеты показывают, что совокупный рыбопромысловый потенциал Невы, освоенных районов Ладоги, а также пригородных водоемов Ленинграда составлял около 100 тыс. центнеров рыбы в год. Это значит, что при численности населения в 3,2 миллиона человек на одного горожанина могло приходиться более 3,1 кг свежей местной рыбы в год. Отметим, что в 1940 г. совокупный лов во всех водоемах, где работали предприятия треста «Ленрыба», составил почти 116 тыс. центнеров рыбы, а на внутренних водоемах — почти 52 тыс. центнеров, т. е. вдвое меньше рассчитанного учеными Ленинграда потенциала[12].

Почти половина улова приходилась на колхозы, которые обслуживала Курголовская моторно-рыболовная станция (МРС), четверть — на колхозы Копорской станции, пятую часть давали колхозы Ладожской МРС, и около 5% приходилось на Выборгскую станцию[13]. Это важно, учитывая резкое изменение в производственной базе треста «Ленрыба» в военный период, когда противник захватил некоторые районы, обеспечивавшие ранее почти две трети объемов промысла.

Большей частью низкие показатели рыбодобычи в регионе были связаны с внешними факторами — начавшейся Второй мировой войной и особенно

попытками СССР обеспечить безопасность Ленинграда со стороны Финляндии, еще бóльшим перераспределением ресурсов страны в пользу оборонно-промышленного комплекса. На этом фоне те планы, которые союзное правительство ставило перед пищевой промышленностью, пересматривались в сторону снижения. Например, еще в 1937 г. наркомат пищевой промышленности СССР поставил перед трестом «Ленрыба» задачу развития живорыбного дела с тем, чтобы довести сбыт живой рыбы в 1938 г. до 12 тыс. центнеров, а в 1939 г. — до 17 тыс. центнеров. Таким образом, рыбная промышленность Ленинградской области должна была максимально расширить и освоить живорыбный промысел. Однако фактическое положение характеризовалось данными, которые показывали снижение заготовок живой рыбы в 1940–1941 гг. (табл. 1).

Таблица 1

План развития живорыбного промысла в Ленобласти и его реализация, 1938–1941 (в центнерах)

Год	План	Фактическое выполнение
1938	14000	7443
1939	17000	8411
1940	9360	4964
1941	10000	1966 на 1 июня

На деле выполнение и без того сниженного плана по живой рыбе к 1941 г. упало до 4,9 тыс. центнеров. Основная причина падения состояла в том, что «Главрыбсбыт» наркомата рыбной промышленности СССР, не обладая необходимыми ресурсами, вынужден был снижать из года в год плановые задания из-за отсутствия финансирования.

По данным руководства ЦК союза рабочих рыбной промышленности Северных районов СССР, капиталовложения на 1940 и 1941 гг. в сумме 116 и 113 тыс. руб. соответственно не обеспечивали живорыбную базу Ленобласти необходимым флотом для сбора и транспортировки, а также организации отсадочного хозяйства для хранения живой рыбы. Частично эти капиталовложения были использованы не по прямому назначению. Имевшиеся в распоряжении живорыбной конторы специализированные вагоны в 1940 и 1941 гг. в период массовой заготовки живой рыбы с апреля по июнь включительно союзный наркомат рыбной промышленности изымал и передавал в другие области для перевозки мальков, в результате чего часть сданной живой рыбы забивалась на месте.

Материально-техническая база рыболовецких колхозов и трестов по живорыбному делу (специальные лодки, самоходные суда, соймы, садки-прорези) была развита слабо. При этом, как отмечалось в докладной записке «О состоянии живорыбного дела в Ленинградской области», адресованной секретарям Ленинградских ОК и ГК ВКП(б) Т. Ф. Штыкову и А. А. Кузнецову, «имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что водоемы Ленинградской об-

ласти — Финский залив, Ладожское, Ильименское и Псковско-Чудское озера, не считая большого количества мелких озер, в полной мере могут обеспечить потребность Ленинграда в живой рыбе»[14].

Внимание союзного правительства к развитию полноценного рыбохозяйственного комплекса проявилось незадолго до начала Второй мировой войны, когда наркомат рыбной промышленности СССР был выделен из союзного наркомата пищевой промышленности. Это произошло в январе 1939 г. Новый наркомат возглавила П. С. Жемчужина — жена председателя СНК СССР В. М. Молотова. В сферу руководства нового ведомства вошли территориальные органы управления рыбной промышленности страны — Дальневосточного, Каспийского, Азово-Черноморского, Северного бассейнов с охватом в целом темы рыболовства и рыбоводства (собственно промысел, переработка улова, флот, отраслевые НИИ).

В подготовленной Е. Р. Кураповой публикации переписки руководящих работников наркомата с В. М. Молотовым, А. И. Микояном и Л. М. Кагановичем за 1939–1940 гг. речь шла преимущественно о развитии отрасли на Дальнем Востоке, в меньшей степени — о Каспии и Азово-Черноморском бассейне, лишь в одном документе был упомянут Мурманск, а о Ленинградской области речи не было вовсе[15]. Очевидно, Москва рассматривала водоемы этого региона лишь в качестве дополнительного источника рыбных ресурсов, что, как отмечалось выше, сказалось и на использовании находившихся в распоряжении живорыбной конторы Ленинграда специализированных вагонов в 1940 и 1941 гг., которые наркомат изымал и передавал в другие регионы.

В целом новый наркомат рыбной промышленности активно взялся за дело. Понимая необходимость стимулировать труд рыбаков крупных хозяйств, П. С. Жемчужина просила А. И. Микояна дать колхозам возможность приобретать самое необходимое для ведения хозяйства и налаживания быта, а с целью поощрения лова и борьбы с расхищением рыбы в колхозах «начиная со 2-го квартала 1939 г., выделять специальные рыночные фонды по этим товарам через Рыболовпотребкооперацию с тем, чтобы колхозы, выполнившие и перевыполнившие план добычи, имели право приобретать указанные товары»[16]. Очевидно, что подобная просьба лишь иллюстрировала маргинальное положение отрасли в советской экономической системе к 1939 г.

В условиях начавшейся вскоре мировой войны развитие рыбного хозяйства СССР, включая его материальную базу, как уже отмечалось, вновь отошло на второй план. Правительство через уполномоченных Госплана ориентировало республиканские и областные органы власти шире использовать местные ресурсы, всемерно сокращать заказы и перевозку тех товаров, которые можно было производить у себя, в максимальной степени осуществлять доставку ряда грузов водным транспортом, разгружая тем самым железные дороги[17]. Это в полной мере касалось Ленинграда и региона в целом, который с конца 1939 г. оказался к тому же непосредственно вовлечен в «зимнюю» войну

с Финляндией. Ее результаты, прежде всего приращение территории за счет Карельского перешейка и связанных с ним водоемов, отразились на развитии местного рыбопромышленного комплекса.

Обобщенные данные о работе треста «Ленрыба» в предвоенные годы весьма показательны (табл. 2). С каждым годом добыча рыбы неизменно сокращалась, включая те водоемы, что находились в непосредственной близости от города. К 1941 г. в составе треста было 92 рыболовецких колхоза, 160 единиц действующего самоходного флота, Койвистовский, Курголовский и Логовский рыбоконсервные заводы с промыслами, Копорская, Курголовская[18], Псковская и Выборгская моторно-рыболовецкие станции.

Две трети добытой рыбы приходились на колхозы, которые обслуживали МРС. На Ладожском озере было 18 колхозов, в которых трудилось 690 рыбаков, на Финском заливе в 41 колхозе работали 1128 рыбаков[19].

Таблица 2

Добыча рыбы трестом «Ленрыба» в 1937–1940 гг. (в центнерах)[20]

Годы	Всего по всем водоемам	По водоемам: Ладожское озеро, берег Финского залива и река Нева
1937	182493	99127
1938	151357	76852
1939	144657	54518
1940	115714	51983

Инициатива в признании необходимости освоения богатых рыбой районов Финского залива, отошедших к Советскому Союзу, принадлежала секретарю Кингисеппского РК ВКП(б) Грудину. В январе 1941 г. он смог убедить Обком партии и Облисполком в необходимости удвоения плана по добыче рыбы в первом квартале 1941 г. В итоге измененный план даже был перевыполнен на 24%[21]. Развивая свой успех, 22 марта Грудин предложил реализовать программу промысла вокруг островов, прежде всего Лавансаари и Пенисаари.

В докладной записке Секретарю ЛОК ВКП(б) Т. Ф. Штыкову о добыче рыбы в Финском заливе Грудин отметил, что активное использование для промысла островов позволило бы отчасти решить проблему невысокого качества рыболовецкого флота, который не всегда позволял ловить рыбу вдали от берега, особенно в период ветра и сильных штормов. Однако решение Облисполкома и бюро Обкома ВКП(б) о заселении островов рыбаками (речь шла о 200 семей) переселенческий отдел Облисполкома и другие рыболовецкие организации не выполнили[22]. Трест «Ленрыба», за исключением салаки и кильки, не осуществлял лов тех пород рыб, которые были популярны у проживавших там ранее финнов, а именно трески, судака, угря, сига и корюшки[23].

Для увеличения снабжения Ленинграда рыбой предлагалось провести ряд практических мероприятий. Во-первых, Грудин просил немедленно пересе-

лить установленное количество рыбацких хозяйств до начала сезонного лова, а также помочь с переездом не менее 10 хозяйств из Кингисеппского района, «которые знали море и специфику Финского залива, т[ак] к[ак] отсутствие последних будет создавать целый ряд трудностей в организации лова рыбы». Решение этой задачи облегчалось тем, что на островах Лавансаари и Пенисаари было более 300 жилых домов, а также имелся небольшой консервный завод, мощность которого составляла свыше 5 тыс. условных банок консервов в день. Во-вторых, для организации лова трески, угря, сига, судака и корюшки нужны были соответствующие рыболовецкие снасти[24]. В-третьих, для обеспечения нормальной работы рыбаков требовалось 10 мощных мотоботов, а также 60 гребных лодок. Для перевозки тары, соли, дров, рыбы и готовой продукции необходимо было еще 2 моторные лодки. В-четвертых, Грудин предложил установить регулярное пароходное сообщение между Усть-Лугой и островами, а для этого считал необходимым выделить пароход грузоподъемностью от 15 до 20 тонн. Наконец, в духе предложений наркома рыбной промышленности П. С. Жемчужиной о создании привлекательных условий для труда и отдыха рыбаков-колхозников, секретарь Кингисеппского РК ВКП(б) просил организовать на островах торговую сеть и открыть культурные учреждения. Все это должно было помочь тресту «Ленрыба» «получить для удовлетворения потребностей трудящихся города Ленинграда дополнительно десятки и сотни тонн доброкачественной и высокосортной рыбы»[25].

На реализацию всех предложений об освоении новых акваторий Финского залива и о развитии живорыбного дела в Ленинградской области не оставалось времени, хотя в Смольном понимали важность этого участка работы. Секретарь Обкома партии Т. Ф. Штыков 1 апреля 1941 г. дал указание «принять меры»[26], что отчасти и было исполнено. Трест «Ленрыба» с июня месяца 1941 г. организовал государственный лов вокруг острова Лавансаари силами двух бригад, которые располагали двумя моторными лодками, пятью большими неводами, 150 сетями и другими снастями. Для обеспечения приемки и обработки рыбы на острове Лавансаари трест «Ленрыба» планировал к концу июня закончить восстановление консервной мастерской производительностью по выработке шпрот 500 тыс. банок в год. С целью организации нормального быта на острове Усть-Лужский рыбный кооператив и военторг организовали торговую сеть. Кроме того, ОК партии убедил наркомат рыбной промышленности СССР выделить дополнительно 15 мотоботов, которые трест «Ленрыба» должен был получить в Мурманске и доставить в Финский залив[27]. Однако сделать это не успели.

Промышленный отдел Обкома партии выделил необходимые ресурсы для ремонта флота Курголовской МРС, работавшей в Финском заливе. Это позволило существенно увеличить мощность флота: после окончания ремонта в рыбном промысле были задействованы 69 мотоботов с общей мощностью 1269 л. с. (против 70 мотоботов суммарной мощностью 839 л. с. в 1940 г.). Таким образом, при сокращении числа моторных лодок на одну единицу его мощность

увеличилась на 430 л.с., что позволяло рыбачить на дальних расстояниях. Кроме того, промышленный отдел Обкома партии помог организовать курсы механиков и мотористов. Что касается выделения дополнительных мотоботов для лова в Финском заливе, то ОК ВКП(б) считал необходимым активнее осваивать Ладожское озеро, куда и собирались направить строившиеся 15 сейнеров для лова сига и корюшки. На Ладоге механизация рыбного промысла в колхозах была значительно хуже, чем на Финском заливе, а правительственное задание по вылову на Ладожском озере в 1941 г. было существенно увеличено[28].

Что же касается предложений председателя ЦК Союза рабочих рыбной промышленности Пробкина о развитии живорыбного дела, то его письмо, направленное в Смольный 12 июня 1941 г., рассмотрели лишь в августе. Суть поднятых им вопросов касалась отношений с наркоматом рыбной промышленности, потому что для реализации потенциала региона нужно было прежде всего «изменить отношение к живорыбному делу со стороны НРКП СССР и РСФСР и соответственно рыбодобывающих организаций Ленинграда в сторону усиления внимания к этому участку», а также «обеспечить материально-техническую базу живорыбной конторы». Конкретные первоочередные шаги в этом направлении[29], как следует из ответа заведующего промышленным отделом Ленинградского обкома ВКП(б) в секретариат Т.Ф. Штыкова от 12 августа 1941 г., «возможно (сделать. — *Н. Л.*) только по окончании войны». При этом подчеркивалось, что «вопрос, поднимаемый т. Пробкиным, заслуживает внимания, т[ак] к[ак] обеспечение Ленинграда живой рыбой все время находится в неудовлетворительном состоянии»[30].

Таким образом, накануне войны с Германией в Смольном довольно точно представляли потенциал рыбного промысла в регионе, а также пытались оперативно реагировать на возникавшие проблемы. Однако в целом освоение богатых рыбой водоемов, в том числе новых районов Финского залива и озер Карельского перешейка, требовало значительных материальных и людских ресурсов. Их у города и области в необходимом количестве не было, а для союзного наркомата рыбной промышленности Северо-Запад, включая Ленинград, был второстепенным бассейном с точки зрения решения общесоюзных задач по обеспечению населения крупных городов рыбой. Невыполнение плана по развитию живорыбного промысла, очевидно, несколько снизило продовольственный потенциал города, но вряд ли существенно повлияло на ситуацию с наличием рыбных ресурсов многомиллионного Ленинграда.

Рыбный промысел в 1941–1942 гг.

После введения карточной системы 18 июля 1941 г. были установлены нормы по месячной выдаче рыбы и рыбопродуктов в следующих размерах: для рабочих и ИТР — 1000 г, служащих — 800 г., иждивенцев и детей в возрасте до 12 лет — 500 г.

Практически вплоть до начала блокады снабжение города рыбой рассматривалось в контексте ее завоза прежде всего из Мурманска. Однако, несмотря на указания директивных органов, поставки неожиданно прекратились. Мурманские организации отказались выполнять постановление СНК от 26 августа 1941 г. об отгрузке в Ленинград 1,5 тыс. тонн рыбы и 1 тыс. тонн сельди. Заместитель наркома рыбной промышленности доложил 28 августа А. И. Микояну, что по сообщениям Мурманской конторы Главрыбсбыта, «мурманские организации запрещают вывоз рыбы из Мурманска». Причина такого поведения состояла в том, что по состоянию на 19 августа в Мурманске имелось в наличии 3 тыс. тонн рыбы, 1700 тонн сельди и 548 тыс. условных банок (туб) консервов, т. е. местным органам власти предлагалось отдать Ленинграду более половины имевшихся у них ресурсов в условиях неопределенности с пополнением собственных запасов[31].

В сентябре 1941 г. городские власти приняли жесткие меры экономии продовольственных товаров: была отменена торговля по повышенным ценам; введены в продажу заменители основных нормируемых продовольственных товаров с переводом на соответствующие эквиваленты. Так, взамен мяса можно было получить колбасы третьих сортов, вместо крупы и макарон — картофельный крахмал, муку и овощи; взамен жиров — сметану, сыр, яйца, яичный порошок; взамен кондитерских изделий выдавали кофе. Кроме того, были снижены нормы снабжения по хлебу, а также по основным товарам — крупе и макаронам, мясу, сахару и кондитерским изделиям, рыбе. В частности, до 600 г были снижены месячные нормы по рыбе и рыбопродуктам для рабочих и ИТР, до 400 г — для служащих, до 300 г — для иждивенцев и детей до 12 лет. 12 октября 1941 г. нормы были урезаны еще раз: рабочие и ИТР получали 400 г рыбы и рыбопродуктов, а все остальные категории — по 200 г. 13 ноября 1941 г. рыба в мизерных количествах осталась лишь в рационе рабочих и ИТР (100 г в месяц) и детей до 12 лет (200 г), однако 20 ноября она полностью из него исчезла.

К середине февраля 1942 г. иссякли резервы, в том числе рыба, и у наиболее «богатого» в продовольственном отношении объединения Ленинградского фронта — Краснознаменного Балтийского флота. В наркомат торговли СССР, в союзный военторг флота, а также в Смольный поступила просьба о выделении дополнительного питания в шесть салонов высшего командно-политического состава флота, в том числе и для питания приезжающих с фронта командиров КБФ[32]. Несмотря на резолюцию А. А. Кузнецова, адресованную отвечавшему в Горкоме за вопросы продовольственного снабжения П. Г. Лазутину, «помочь», т. е. просьбу удовлетворить, Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта ответила отказом[33]. В 1942 г. по всему Советскому Союзу, в том числе по Ленинграду, были отменены специальные нормы по рыбе с включением рыбы в норму «мясо-рыба» с сохранением месячной нормы рабочим и ИТР 1800 г, служащим 1000 г, иждивенцам 500 г и детям до 12 лет — 500 г[34].

Какие же меры принимались на местном уровне, чтобы пополнять иссякающие запасы рыбы и поддерживать силы ленинградцев? 18 октября 1941 г. Военный Совет Ленфронта принял решение о ловле рыбы в водоемах вблизи Ленинграда и установил плановые показатели по улову. В Неве ловля рыбы не предусматривалась. В частности, в постановлении говорилось:

«1. Для снабжения населения г. Ленинграда рыбой разрешить организацию рыбодобычи в следующих пунктах:

а) Лахта — Лисий Нос — Сестрорецк
б) Ораниенбаум — Устьинский мыс/в 7 км зоне от берега
в) между Кронштадтом и южными фортами
г) у острова Сейскар
д) в юго-восточной части Ладожского озера (примыкающей к Всеволожскому району)

Среднесуточный план вылова рыбы на октябрь — ноябрь 1941 г. установить в количестве 25–30 тонн в день[35].

<...> 2. Ответственность за организацию рыбодобычи возложить на трест "Ленрыба", обязав его обеспечить помощь и руководство рыболовецкими бригадами всех организаций гор. Ленинграда.

3. Назначить управляющим треста "Ленрыба" тов. Черкасова А. С. <...>

5. <...> Транспортному управлению КБФ оказать содействие тресту "Ленрыба" в переброске 5 рыболовных судов из гор. Ленинграда в Ладожское озеро и 5 судов — к озеру Сейскар.

6. Обязать трест... всю качественную салаку перерабатывать в шпроты, для чего разрешить двум рыболовецким мотоботам регулярное движение между г. Ленинградом и рыбоприемными пунктами Шепелево — Ручьи (Калище).

7. Выделить тресту "Ленрыба" 50 тонн горючего для самоходного рыболовецкого флота»[36].

О постановлении Военного Совета был проинформирован очень узкий круг лиц. Поэтому нарастание продовольственных трудностей побудило активных горожан обратиться в Смольный с различными инициативами в части организации рыбного промысла. Например, 24 октября 1941 г. инженер Бахаревский, ссылаясь на свой опыт работы по мелиорации рек Ленинградской области с применением взрывчатых веществ, предложил использовать для глушения рыбы «некоторые радикальные средства для пополнения наших продовольственных запасов», например, использовать непригодные для военных целей детонаторы любых типов, электрозапалы и даже обычную негашеную известь[37]. Жданов передал письмо секретарю ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустину, который, в свою очередь, переадресовал предложения Бахаревского П. Г. Лазутину. Ответ последнего был лаконичным: «Организация промышленного лова рыбы при существующих условиях методом глушения с употреблением взрывчатых веществ нецелесообразна, да и не эффективна. Лов рыбы производится обычными снастями»[38].

В конце ноября 1941 г. с предложениями о необходимости организации в крупных масштабах рыбной ловли к П. Г. Лазутину обратились два инструктора отдела судостроительной промышленности горкома ВКП(б) Соболев и Грасман. В своей записке они отметили, что в Ленинграде «совершенно не была организована рыбная ловля в крупных масштабах». Инструкторы горкома сослались на статью в «Известиях» от 23 ноября 1941 г., в которой говорилось о широком использовании подледного лова рыбы на Амуре. В этой связи они считали целесообразным выделить необходимые водолазные средства, взрывчатые вещества, подъемные механизмы, лебедки, а также привлечь к лову рыбы население, которые было не занято на предприятиях. В качестве крайней меры они сочли возможным использовать для ловли рыбы военный флот, который мог бы заниматься этим после выполнения боевых задач. Для этого предлагалось выделить военным рыболовецкие средства (сети). В целом предполагалось, что каждый ленинградец сможет получить дополнительно 50–60 г рыбы в день[39]. Это письмо осталось без комментариев. Отметим лишь, что проход по реке Нева от Петрокрепости вниз по течению был закрыт, а его разминирование проводилось в мае 1944 г.[40]

Наконец, 20 февраля 1942 г. с подробным письмом о том, каким образом можно и нужно организовать лов рыбы, к А. А. Кузнецову обратился директор 1-й Картонной фабрики И. П. Парамошков, который представился бывшим работником рыбодобывающей организации. Деловой и очень конкретный характер письма, предложение создать единую компактную рыбопромысловую организацию, минимизировать бюрократическую волокиту и готовность автора послания самому взяться за это дело нашли позитивный отклик у Кузнецова, который 6 марта 1942 г. попросил Лазутина вызвать Парамошкова в Смольный и поговорить с ним. При этом Кузнецов дал следующую рекомендацию: «...если он энергичный человек, то его на это дело можно поставить»[41].

Интерес к предложениям Парамошкова вызывался еще и тем, что постановление Военного Совета от 18 октября 1941 г. не выполнялось. На Ладоге во второй половине октября сильно штормило, а в середине ноября вода покрылась льдом. Условия для лова стали исключительно тяжелыми. Были и другие объективные причины. Резко сократилась собственная рыбопромысловая база. В связи с военными действиями из рыбодобычи по Ладожскому озеру из 44 рыболовецких колхозов выпало 35; по берегу Финского залива из 47 предприятий — 42, а также все моторно-рыболовецкие станции и почти все рыбоконсервные заводы. Из 160 единиц действовавшего самоходного флота осталось 60 единиц, 23 из них были мобилизованы в КБФ.

С рыболовецкими кадрами также произошли существенные изменения. Три четверти рыбаков, которые ранее работали в колхозах на Ладоге, ушли в ряды Красной армии. Кроме мобилизации в Красную армию, в апреле 1942 г. по соображениям государственной безопасности в глубь страны было эвакуировано 168 рыбаков — советских финнов. В колхозе им. Ленина, работавшем на Неве,

к началу первого квартала 1942 г. осталось всего 8 рыбаков, притом что в 1940 г. его численность составляла 103 человека[42].

Для заполнения вакансий был принят комплекс мер, чтобы обеспечить необходимый минимум для проведения рыбодобычи в 1941–1942 гг. В частности, трест привлек новые кадры — женщин и подростков, невоеннообязанных, в прошлом рыбаков, а также рабочих ленинградских предприятий. В итоге в 1942 г. трест «Ленрыба» укомплектовал команды на имевшихся у него самоходных судах рыболовецкого флота. В частности, в них отмечалось, что количество рыбаков в 1942 г. существенно сократилось[43] и составило на Финском заливе (Ораниенбаумский район) — 57 человек, на Ладожском озере — 227, а с учетом учеников и женщин — 299, т.е. 72 человека практически не имели никакого опыта в добыче рыбы. Средний вылов на рыбака на Финском заливе составил 61,2 центнера, что было выше средних показателей довоенного времени (60,1 центнера), в то время как на Ладоге увеличение численности рыбаков не привело к увеличению объема лова[44], который составил всего 16,8 центнера на рыбака с учетом подростков и женщин, а без них — 22,2 центнера, что также было ниже довоенных показателей (25,5 центнера на рыбака).

На результаты промысла влияло и качество флота: из оставшихся у треста 37 судов 14 мотоботов требовали ремонта. В итоге тресту в условиях военного времени и крайне неблагоприятного года из-за отсутствия подхода рыбы для нереста, удалось, по мнению А. С. Черкасова, «в основном удовлетворительно» провести лов на оставшихся водоемах (Ладожское озеро, берег Финского залива и река Нева). Об этом свидетельствуют данные из табл. 3, где представлены показатели лова по тем же районам в предвоенный период, что использовались и в условиях войны.

Таблица 3

Добыча рыбы трестом «Ленрыба» в 1937–1940 гг. (в центнерах)[45]

Год	Выловлено рыбы
1937	21206
1938	20295
1939	23420
1940	18652
1941	24081

В 1941 г. за счет весеннего лова удалось добиться рекордных за 5 лет показателей, однако в 1942 г. они упали вдвое. Ежеквартальное выполнение плана по трем основным предприятиям треста «Ленрыба» варьировалось от 28,6% в пригородной базе и 30,4% в колхозе им. Ленина до 59,6% — в Новоладожской базе. В среднем план по добыче рыбы по тресту был выполнен на 37,7%[46]. В абсолютных цифрах при плане на первый квартал в 6 тыс. центнеров был добыт 1741 центнер рыбы, во втором — при плане в 13225 центнеров добыто

5462,9 центнера, в третьем квартале план составлял 5500 центнеров, а было выловлено всего 1661,2 центнера рыбы, наконец, в четвертом квартале при плане в 2300 центнеров удалось выловить 1327 центнеров рыбы[47]. Таким образом, вместо запланированных 27 025 центнеров рыбы удалось выловить всего 10 192,1 центнера[48]. Это было более чем в пять раз меньше, чем завоз рыбопродуктов по ледовой трассе: с декабря 1941 по 21 апреля 1942 г. в город была завезена 5041 тонна рыбы[49].

Нельзя сказать, что трест допустил серьезные просчеты. Привлеченные к новому для себя виду деятельности женщины и подростки в течение первого полугодия набирались опыта и, как следует из первичных отчетов колхозов, никоим образом не способствовали увеличению улова. Однако фобии власти, а именно решение об обязательной депортации этнических немцев и финнов имели прямые экономические последствия для города. Можно предположить, что вследствие депортации 168 рыбаков-финнов при среднем вылове на рыбака в 62,1 центнера трест в 1942 г. недополучил более 10 280 центнеров рыбы.

В объяснительной записке к годовому отчету треста «Ленрыба» за 1942 г.[50] отмечалось, что к началу 1942 г. в составе треста осталось всего четыре предприятия: завод «Пищевик», комбинат подсобных хозяйств, Ленрыбпромснаб и Ладожская МРС. По-видимому, соглашаясь с предложениями Парамошкина о необходимости укрупнения рыбопромыслового дела, в состав треста были введены Ораниенбаумский завод и Новоладожская контора, а 1 октября 1942 г. — таро-ремонтный завод. Из-за отсутствия связи завода «Пищевик» с его пригородной конторой из-за военной обстановки 1 октября трест выделил пригородную базу в самостоятельную хозяйственную единицу, которая работала на условиях внутреннего хозрасчета. Таким образом, к концу 1942 г. в состав треста «Ленрыба» входило шесть предприятий.

Планирование их деятельности в 1942 г. производилось поквартально и по самым минимальным показателям, а сводный план на 1942 г. не составлялся вовсе[51]. Отчеты треста наглядно показывают неравномерность и квартальных планов, и добычи. Наибольший план приходился на весенний ход корюшки, наименьший — на зимний период, когда водоемы покрывались льдом и лов был чрезвычайно затруднен. Это значит, что, несмотря на директивное решение Военного Совета Ленфронта от 18 октября 1941 г., установившего среднемесячные параметры промысла тресту «Ленрыба», жизнь показала тщетность подобного планирования.

В записке треста в наркомат рыбной промышленности СССР названы основные причины невыполнения плана: запрещение ночного лова на Финском заливе; периодический запрет выезда рыбаков на лов в зависимости от военной обстановки; выселение рыболовецких колхозов с Финского залива в начале второго квартала 1942 г., а с Ладожского озера — в октябре 1942 г.: «исключительно слабый ход корюшки в весеннюю путину»[52], а также перемещение лова с основных глубин на прибрежный лов[53]. В отчете завода «Пищевик» за 1942 г.

упоминались еще две причины, по которым он не смог закупить необходимое сырье: в связи с войной был мобилизован флот на Финском заливе, а также произведена «переброска рыбаков в другие районы СССР». Под «переброской», очевидно, имелась в виду депортация финского населения весной 1942 г.[54]

В отчете Новоладожской конторы за 1942 г. также отмечался ряд факторов, которые повлияли на ее работу. В конце 1941 и начале 1942 г. на предприятие было сброшено 10 фугасных бомб, в результате чего были разрушены механическая мастерская по ремонту флота, кузница, инструментальная мастерская, кладовая, рыбная база, материальный склад, пять несамоходных судов, повреждено здание диспетчерской[55]. Много времени и сил ушло на поиск материалов, чтобы отремонтировать лодки. Древесину для судоремонта собирали по берегам рек и озер, а 80% топлива добыли из того, что было ранее направлено в утиль. Кадры мотористов-ремонтников пополнили восемь бывших учеников Шлиссельбургского ремесленного училища[56].

По мнению руководства треста «Ленрыба», «недовыполнение плана вылова рыбы... не может относиться к плохой работе колхозов и руководства последними»[57].

Наряду с названными причинами стоит назвать еще одну, которая летом 1942 г. оказывала существенное влияние на рыбаков. Речь идет о поведении военных, которые пользовались своим положением и подчас занимались браконьерством. Суть проблемы была изложена в обращении руководителя одного из рыболовецких хозяйств Приморского райпищеторга С. Зубова. Он утверждал, что «ставить дальше мережи, которые мы имеем, считаю бесполезным до тех пор, пока не прекратится этот грабеж. Происходит это так: наших рыбаков и рыбаков из других организаций в 9 ч. ночи с моря удаляют и до 5 ч. утра на море не пускают, а в это время... появляются катера и шлюпки, кому они принадлежат, могут знать только командование частей, охраняющее берег и залив, и оно может установить, кто безобразит и прекратить все безобразия, а виновных привлечь к ответственности»[58].

Руководство райпищеторга обратилось в Приморский РК партии, который, проведя расследование, установил, что данная проблема носит систематический характер, не может быть решена на уровне райкома и требует вмешательства Смольного. 27 июня 1942 г. секретарь Приморского РК ВКП(б) И. С. Харитонов направил секретарю ГК партии П. Г. Лазутину письмо «О браконьерстве на Финском заливе у Лисьего Носа». В нем сообщалось, что в рыболовецком хозяйстве Приморского райпищеторга систематически портили поставленные в заливе заколы, воровали рыбу, спускали якорные концы. Так, например, 16 июня из 12 мереж были вынуты 10; 17 и 18 июня были вынуты все 15 мереж. Выявление лиц, которые занимались браконьерством, было затруднено из-за запрещения выходить в море с 21 часа до 5 часов утра всем, кроме катеров и шлюпок, сведения о которых имело лишь командование частей, которые несли охрану вод. Попытка рыбаков установить виновных окончилась

в ночь с 21 на 22 июня ранением одного из рыбаков выстрелами из боевого оружия, что было подтверждено сведениями, полученными в районном отделе НКВД. Харитонов просил содействия Горкома партии с целью прекращения кражи улова и порчи орудий лова[59]. Проблема отношений гражданских с военными второй линии, паек которых был тоже невелик, являлась вполне естественной. Искушение за счет рыбаков легко и безнаказанно пополнить запасы продовольствия было велико. Пресечение порочной практики браконьерства требовало больших усилий, прежде всего со стороны Военного Совета КБФ, который специальных решений по этому вопросу не принимал, ограничившись, вероятно, неформальным общением. Командиры частей смотрели на подобные шалости подчиненных подчас сквозь пальцы, находя в них элементы воинской смекалки[60].

В 1942 г. рыбы не хватало, чтобы загрузить завод «Пищевик» профильным сырьем. Поэтому он был вынужден производить новые виды продукции из выделенного ему так называемого «давальческого» сырья. Прежде всего это соление и квашение дикорастущих трав и огородных культур, которых было выпущено 1579,9 центнера[61]. Кроме того, Новоладожская контора производила сушение овощей в сушильных печах, оборудованных под сушку мелкой рыбы. Овощной продукции было произведено 834,6 центнера. На заводе также был налажен выпуск фруктового морса. В 1942 г. выпустили 50 тыс. литров напитка. Кроме того, «Пищевик» изготовил 18,5 туб мясных консервов и 30,4 туб растительного масла[62].

Подводя итоги работы в первой половине 1942 г. на заседании Президиума ЦК Союза рабочих рыбной промышленности северных районов СССР 3 августа 1942 г., А. Г. Черкасов определил основные задачи, которые предстояло решить тресту в ближайшее время с целью увеличения лова, особенно в Ладожском озере. Речь шла о необходимости улучшения материальной базы флота, строительстве новых судов, а также повышении квалификации личного состава, прежде всего мотористов, о повсеместном использовании тралового лова с максимальным контролем выполнения плана на всех уровнях — от звена до колхоза и переходе от кустарщины к предприятиям военизированного типа[63].

В отличие от руководства треста «Ленрыба» и входивших в его состав предприятий, объяснявших невыполнение плана совокупностью объективных причин, Смольный, исходя из принципа, что «кадры решают все», обращал внимание на низкую квалификацию не только руководящих работников отрасли, но и рядовых сотрудников, отсутствие финансовой дисциплины, и, как следствие, воровство. В справке, подготовленной по итогам проверки главной конторы Главрыбсбыта, говорилось о том, что в конторе не оказалось личных дел на материально-ответственных и иных лиц, что перемещение и прием на работу, как правило, не фиксируется, характеристики с последнего места работы не запрашиваются. В большинстве случаев кладовщики пришли на работу впервые

в 1942 г. Никаких выборочных и контрольных ревизий в 1942 г. не проводилось. Инвентаризация остатков продукции, находившихся на ответственном хранении кладовщиков, была проведена лишь по состоянию на 1 января 1943 г. Отмечалось, что такое же положение с кадрами было и на Рыбокоптильном заводе. В результате в 1942 г. на нем было выявлено 17 случаев хищения продукции, на базе № 1 — 13 случаев, на базе № 2 имел место случай хищения трех бочек кетовой икры на сумму 4 тыс. руб., а виновные так и не были пойманы[64]. Выявленные проблемы, вероятно, в меньшей степени объясняют резкое снижение производственных показателей, хотя указывают на возможность сокрытия части лова.

Использование рыбы как стратегия выживания со стороны самих сотрудников отрасли было вполне ожидаемо, а в условиях отсутствия контроля в 1942 г. стало для некоторых обыденным явлением[65]. Сводный баланс о деятельности Главрыбсбыта на 1 октября 1942 г. был составлен лишь 29 января 1943 г. Месячные балансы не сводились, а годовой сводный баланс на 1 января 1943 г. предполагалось предоставить в контролирующие органы только к 20 марта 1943 г. Более того, на момент обследования в главную контору Главрыбсбыта был представлен годовой отчет рыбокоптильного завода с убытком в 541 тыс. руб. при стоимости выпущенной продукции 693 тыс. руб. Эти колоссальные убытки управляющий конторой объяснил недоброкачественным сырьем, которое поступало на завод. Наконец, анализ издержек по предприятиям инспекторы из отдела пищевой промышленности Горкома провести не смогли по причине отсутствия в бухгалтерии того же сводного отчета на 1 октября 1942 г.

Итак, в ноябре 1941 г. рыба практически исчезла из рациона ленинградцев. Военные и гражданские органы власти предприняли попытку организовать рыбный промысел и добились некоторых результатов. По итогам 1942 г. трест «Ленрыба» добыл около 10 тыс. центнеров рыбы, что было почти втрое меньше плана, который, правда, составлялся на основании показателей предыдущего года по тем же водоемам. Чрезвычайные условия города-фронта, существенно ограничившие возможности рыбного промысла, резкое сокращение численности квалифицированных рыбаков вследствие мобилизации их в армию, депортация финнов, которые успешно занимались рыбным промыслом, нехватка техники и снастей на фоне небывало плохого хода рыбы, браконьерство военных, которое демотивировало рыбаков, и, очевидно, сокрытие части лова на перерабатывающих предприятиях — все это привело к тому, что подавляющее большинство горожан забыло вкус рыбы. Пополнение рыбных запасов, которые шли главным образом на фронт, осуществлялось завозом через Ладожское озеро. Завоз рыбы с Большой земли, таким образом, по-прежнему оставался безальтернативным.

Коренной перелом, или Стратегия выживания треста «Ленрыба»: планы на 1943–1944 гг.

Смольный всерьез занялся вопросом организации рыбодобычи в начале 1943 г. Казалось бы, веских причин для этого не было. Вследствие эвакуации значительно сократилась численность населения. Снабжение города сильно улучшилось. Карточки отоваривались полностью, очереди исчезли. Город создал запасы продовольствия. Поводом и причиной для столь пристального внимания к «рыбному» вопросу стало решение ГКО о переселении из прифронтовой полосы вглубь на 25 км гражданских лиц. Областные организации начали выполнять решение ГКО и производить выселение рыбаков и членов их семей с Ладоги и Финского залива. Это означало, по сути, прекращение работы треста «Ленрыба» и других рыбодобывающих предприятий. Если против выселения финнов из города и области у Смольного не было аргументов, поскольку речь шла о потенциальной «пятой колонне», то перспектива лишиться всей рыбодобычи в регионе была неприемлемой, особенно с учетом того, что ГК ВКП(б) трест «Ленрыба», полагали возможным увеличить лов рыбы в 1943 г. в 5 раз. Это было очень важным аргументом, учитывая опыт первой блокадной зимы, а также желание иметь значительный собственный ресурс продовольствия. Важнейшим фактором было и то, что блокаду удалось прорвать, создав дополнительные возможности коммуникаций с Большой землей и завоза техники и материалов.

Для сохранения собственной рыбодобычи нужно было проявить немалую изобретательность, чтобы найти приемлемое для всех управленческое решение и убедить ГКО в его целесообразности и реализуемости. Весомым основанием для спасения рыбного промысла в водоемах Ленинграда было постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 ноября 1942 г. «О переводе рыболовецкого флота на положение военизированной службы». На основе этого постановления уже работал мурманский флот. Решение по Ленинграду и области состояло в том, чтобы мобилизовать всех рыбаков Ладожского и Финского водоемов, вывезя вглубь нетрудоспособных и семьи, а остальных оставить на рыбодобыче. При этом предполагалось, что в случае необходимости командование флотом сможет использовать рыболовецкие суда и их команды для выполнения специальных заданий. Обязательные согласования на сей счет были сделаны, и Военный Совет КБФ принял соответствующее постановление[66].

Составляя обращение в ГКО, Смольный подготовил специальное решение «О производственной базе треста "Ленрыба"». Первый и второй пункты документа содержали просьбу сохранить рыболовецкий флот и рыбаков-колхозников, отмобилизованных в КБФ по водоему Ладожское озеро, «как действующую производственную единицу по рыбодобыче с правом жительства на берегу Ладожского озера в пунктах по согласованию КБФ с командованием Волховского фронта»[67].

Постановление носило комплексный характер и затрагивало все аспекты производственной базы треста. Оно обязывало профильные предприятия произвести ремонт самоходного флота треста «Ленрыба» в количестве 14 единиц и построить в срок до 1 апреля 1943 г. 10 новых мотоботов. Руководству Облисполкома и управляющему трестом «Ленрыба» предлагалось организовать на период рыбной путины выездные рыболовецкие бригады в сельскохозяйственных колхозах, расположенных на берегу Финского залива, обеспечив их орудиями лова и установив государственный план рыбодобычи. На трест «Ленрыба» возлагалась задача обучения к весенней путине 100 мотористов-механиков, помощников и специалистов других квалификаций плавсостава. Особое внимание уделялось также проверке орудий лова в подсобных рыболовецких хозяйствах производственных предприятий[68].

Работа предстояла большая, к 1943 г. «в строю» на Ладожском озере в составе 9 колхозов треста «Ленрыба» осталось всего 284 рыбака, а на Финском заливе в 5 колхозах осталось лишь 47 рыбаков. Таким образом, по сравнению с 1940 г. численность рыбаков на обоих водоемах сократилась почти в 6 раз, не говоря уже об их качестве. Количество моторных лодок сократилось на 70 единиц[69].

Решая задачу сохранения рыбного промысла в прифронтовой полосе, Смольный предлагал для этого ряд сложных решений, выполнение которых требовало значительного времени и выходило за рамки 1943 г. В частности, заглядывая на год вперед, ставилась задача обеспечить вылов рыбы в количестве 31 тыс. центнеров. Для реализации плана предусматривался беспрецедентный комплекс мер. Во-первых, партия взяла на себя отбор кадров для работы в отрасли. В частности, из Ленинграда в Ораниенбаумский район предстояло направить 250 работников в соответствии с разверсткой отдела кадров Горкома по районам, обеспечив партийно-комсомольскую прослойку. По Ладожскому водоему недостающее количество рыбаков в количестве 400 человек предлагалось укомплектовать за счет районов области по разверстке отдела кадров Обкома ВКП(б) по районам. Во-вторых, предлагалось качественно укрепить материальную базу рыбного промысла, использовав для этого потенциал не только промышленности города, но и области. Так, тресту «Ленрыба» вменялось в обязанность организовать на Неве к 1944 г. 6 механизированных тоней по лову корюшки. С этой целью промышленному отделу ГК партии была поставлена задача найти на заводах Ленинграда необходимое механическое оборудование (лебедки, электромоторы, двигатели) по заявке треста «Ленрыба». Управляющего Северо-Западного речного пароходства в селе Сясьские Рядки в Волховском районе обязали построить в 1943 г. 40 корпусов деревянных мотоботов для трала рыбы, а директора Леноблпромсоюза — изготовить в 1943 г. в артелях северо-восточных районов области 80 рыболовецких лодок по заявке треста «Ленрыба». В-третьих, Смольный обратился за помощью в наркомат рыбной промышленности СССР с просьбой выделить судовые двигатели для вновь строящихся рыбопромысловых судов в количестве 40 единиц,

а также обеспечить рыбаков-колхозников и занятых ловом на госпредприятиях специальной одеждой.

На уровне города трест «Ленрыба» обязали организовать курсы мотористов и судоводителей в количестве 120 человек, разрешив их вербовку в Ленинграде. В условиях военного времени и дефицита кадров на предприятиях города это решение показывало исключительное значение, которое придавали рыбному промыслу[70]. Важным шагом для формирования самодостаточной отрасли было решение организовать на ленинградских предприятиях («Красный Маяк», фабрика «Канат», Комбинат им. Кирова и фабрика 1-го Мая) производство необходимого количества нити и каната для обеспечения постройки орудий лова, тем самым минимизировав зависимость от завоза этих материалов извне. С этой же целью город пошел на ввод в эксплуатацию законсервированного комбината подсобных производств, организовав на нем производство материалов для изготовления сетей. Таким образом, решалась проблема материально-технического снабжения рыбаков, которое осуществлялось конторой «Ленрыбпромснаб». В отчете конторы за 1943 г. отмечалось, что все материалы шли по разовым нарядам вне плана, главным образом из Москвы, а также через городской отдел торговли[71]. Наркомат рыбной промышленности, за исключением небольшого количества горючего для Ладожской конторы, а также рыболовных делей в количестве 3800 кг, ничего городу не выделил[72]. Обеспечение рыбодобывающих предприятий орудиями лова производилось сотрудниками конторы, которые направлялись за ними на фабрики-изготовители и сопровождали полученный товар до места назначения[73]. Таким образом, решение Смольного взять обеспечение материально-технических потребностей ленинградских рыбаков в свои руки было абсолютно правильным. В целях воспроизводства рыбных запасов нужных пород рыб Северо-Западное рыбоводческое хозяйство обязали обеспечить искусственную инкубацию, доведя количество мальков до одного миллиарда[74].

Организационная деятельность в 1943 г. сводилась не только к действиям стратегического характера. Как уже отмечалось, Смольный пытался вовлечь в рыбный промысел промышленные предприятия, особенно те, что были расположены вблизи Невы. С этой целью проводилась разъяснительная работа с руководителями предприятий и учреждений, которых ориентировали на всемерное развитие подсобных промысловых хозяйств, не ограничиваясь лишь распространением информации о водоемах региона, способах и оптимальных местах лова. Подсобным хозяйствам выделялись и материальные ресурсы — орудия лова, лодки и топливо. Эта работа принесла свои плоды: фактический вылов рыбы подсобными хозяйствами в 1943 г. составил 4772 центнера, что было более чем вдвое больше показателей 1942 г. (2037 центнеров)[75].

Не остался без внимания и вопрос о любительском рыболовстве. Власти хотели, чтобы оно получило распространение, с тем чтобы «рыболов-любитель мог обеспечить себя и свою семью рыбой в течение всего года». Было ли это

желанием переложить часть ответственности за вопросы продовольственного снабжения на самих ленинградцев? Наверное, да, как и раньше власть готова была поддерживать определенную инициативу и даже поощряла ее. На чем строились такие надежды и насколько они были реалистичны? Ссылки на то, что до войны в Ленинграде и области было немало рыболовов-любителей, наверное, в реалиях 1943 г. были не вполне уместны. До войны рыбачили почти исключительно мужчины. В военное время их в городе осталось немного вследствие мобилизации, эвакуации предприятий и учреждений, а также гибели значительной части мужского населения старшего возраста в первую блокадную зиму. Удочки могли взять в руки разве что незанятые на производстве женщины, однако причины, по которым они остались в Ленинграде в 1943 г. и их жизненный уклад вряд ли были связаны с намерением заняться любительским рыболовством.

Наконец, нужно было решить и проблему переработки рыбы. Из семи заводов, которые работали в городе и области в 1940 г., к 1943 г. удалось сохранить только два предприятия — «Пищевик» и рыбокоптильный завод. Число работников на «Пищевике» сократилось с 511 до 209 человек, но им удалось за 9 месяцев 1943 г. более чем вдвое увеличить выпуск продукции, произведя 1 тыс. туб консервов, а рыбокоптильный завод смог переработать 900 тонн рыбы, имея в своем составе всего 122 человека[76].

Восстановление консервных и рыбокоптильных заводов считалось важнейшей задачей для надежного обеспечения защитников и населения Ленинграда рыбопродуктами в течение всего года. Выбор типа предприятия, которые предстояло строить, определялся рядом факторов. Сырье, рабочая сила, простота в эксплуатации и дешевизна — вот ключевые составляющие, которые в совокупности и позволили найти оптимальное решение. Специализация на производстве шпрот из салаки — основной промысловой рыбы, была очевидной. При этом учитывалась сезонность лова салаки и невозможность полной круглогодичной загрузки заводов. Следующий фактор состоял в привлечении рабочей силы. Проще всего было использовать сезонных рабочих из близлежащих колхозов. Наконец, большое значение имели скорость восстановления предприятий, отсутствие потребности в особом оборудовании при производстве шпрот, а также низкие издержки при эксплуатации. В результате предлагалось создать сеть береговых мелких предприятий по переработке рыбы[77].

Эти планы сразу реализовать не удалось. Они были перенесены на более поздние сроки решением Леноблисполкома «О мероприятиях по восстановлению рыбной промышленности Ленинградской области» от 13 июля 1944 г., предполагавшим развертывание консервно-шпротного производства на базе салачного промысла на Финском заливе с производством шпрот в масле в 1945 г. в количестве 3 миллионов условных банок, а в 1946 г. — 5 миллионов условных банок. Предполагалось также строительство консервного комбината в Усть-Луге, в Ручьях, судоверфи в Койвисто, выделение необходимых

земельных участков и материальных ресурсов, реэвакуация 3500 рыбаков из тыловых районов СССР для формирования рыболовецких колхозов и ряд других мероприятий[78].

Тем временем в 1944 г. завод «Пищевик» оставался не полностью загруженным, и то, что он курировал рыбокоптильные пункты, созданные на Неве, в Лахте и Лисьем Носу, для плановых органов дела не меняло. Для собственных нужд завод закупал сырье у колхоза им. Ленина, а также переработал почти 1 тыс. центнеров завезенной из Мурманска рыбы. В дополнение к этому «Пищевик» вынужден был заниматься выпуском котлетной массы из белковых дрожжей (1286 центнеров), витамина С из хвои (26 тыс. литров) и другой продукции[79].

В годовом отчете треста «Ленрыба» за 1944 г. указанные в рабочих материалах к упоминавшемуся выше постановлению ОК и ГК ВКП(б) «О производственной базе треста "Ленрыба"» предварительные плановые показатели лова в размере 31 тыс. центнеров выполнены не были. Очевидно, в какой-то момент произошла существенная корректировка плана, который в итоге был определен в количестве 17 400 центнеров. Одна из причин его снижения могла быть связана с необходимостью исполнения решения Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 26 марта 1944 г. «О мерах развития подсобных хозяйств промышленных предприятий на 1944 год», который установил государственный план по рыбодобыче подсобными хозяйствами промышленных предприятий страны в количестве 858,8 тыс. центнеров рыбы. В Ленинграде подобные предприятия работали уже два года. В связи с тем, что промышленные наркоматы не спешили установить планы по рыбодобыче большинству ленинградских предприятий, подсобные хозяйства которых занимались рыбной ловлей, инициативу проявило бюро горкома ВКП(б), установившее в начале мая для предприятий и организаций города совокупный план добычи рыбы на 1944 г. в количестве 13 264 центнера, что почти втрое превосходило фактический вылов рыбы подсобными хозяйствами Ленинграда в 1943 г.[80] Соответственно, произошло частичное перераспределение материальных и трудовых ресурсов в пользу подсобных хозяйств.

В итоге фактическое выполнение плана трестом «Ленрыба» составило 19 530 центнеров рыбы. Входившие в его состав пригородная контора, Усть-Лужский комбинат и Новоладожская контора обеспечили существенное перевыполнение плановых показателей, к тому же был начат лов в Койвисто (Приозерске), в то время как Ораниенбаумский завод из-за дефицита рабочей силы не смог достичь и половины от того, что было намечено[81]. В целом, при общем росте численности занятых ловом и его организацией в структуре треста, в период с 1943 до 1944 г. с 454 до 600 человек, обеспечить рост трудовых ресурсов до запланированных 676 работников так и не удалось[82]. Тем не менее, учитывая то, что численность населения города продолжала сокращаться, достигнув в 1944 г. минимума за весь период войны — 546 тыс. человек, полученный

от треста «Ленрыба» улов в среднем давал более 3,5 кг рыбы на человека. Подсобные хозяйства также пополняли рацион работников предприятий, хотя в ряде случаев расход поступавшей от них рыбы не находил отражения в бухгалтерском учете[83].

План лова треста на 1945 г., утвержденный наркоматом рыбной промышленности СССР, ориентировал предприятия города и области на существенный рост добычи — до 35 тыс. центнеров, т. е. на показатели, намеченные изначально Смольным на 1944 г. Две трети рыбы предстояло выловить на Финском заливе (23 тыс. центнеров), на долю предприятий, работавших на Ладожском озере, приходилось 10,5 тыс. центнеров, а остальные 1,5 тыс. центнеров рыбы планировалось получить от рыбаков Ораниенбаумского завода[84]. Предпосылки для этого были созданы, жизнь возвращалась в мирное русло.

В заключение отметим, что город к началу войны обладал значительным потенциалом для ведения рыбного промысла, однако в масштабах страны он был незначительным и по этой причине рыбопромышленный комплекс не получал необходимой поддержки из центра. Рыба, как и большинство других видов продовольствия, в город завозилась прежде всего из Мурманска. В период войны потенциал рыбодобычи значительно сократился в связи с рядом факторов: утратой территории и связанного с этим доступа к ряду водоемов, мобилизацией значительной части рыболовецкого флота и рыбаков в армию, изменившимся и нестабильным режимом работы на ключевых водоемах, приоритетом вопросов безопасности (режим использования Невы, акватории Финского залива, а также ледовой трассы по Ладоге) над хозяйственной деятельностью. В 1941–1942 гг. существенное влияние на снижение вылова рыба на Финском заливе оказала депортация рыбаков-финнов. В целом рыбодобыча в блокированном Ленинграде — это проблема сложнейших согласований гражданских органов с военными, которые на низовом уровне зачастую грешили злоупотреблениями, фактически лишая рыбаков их улова. Потребности населения и защитников города в рыбе по-прежнему удовлетворялись за счет внешнего завоза. В 1943–1944 гг. Смольный принял ряд важных решений, которые позволили к концу войны частично восстановить производственную базу отрасли. В итоге в 1945 г. в водоемах, непосредственно прилегающих к Ленинграду в границах 1940 г., Финского залива и Ладожского озера предприятия треста «Ленрыба» выловили 33,5 тыс. центнеров рыбы, пока еще почти вдвое отставая от показателей 1940 г. На полное восстановление отрасли ушло еще два года.

[1] Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13. Л. 110–111.

[2] Он вспоминал, что сотрудники торгового порта начали готовиться к лову корюшки еще в январе 1942 г., использовав с этой целью полученные еще до войны из Таллина нитки

для вязки сетей, а также мережи. К концу марта 1942 г. было связано 140 мереж. Их поставили 24 апреля 1942 г., когда вскрылся лед на Неве, а на следующий день был первый улов. «Эта рыба сыграла колоссальную роль. Она помогла поддержать сотни людей и не только работников Ленинградского порта, но и бассейна всего, и частично эта свежая рыба шла в город, в частности, шла в РК партии. Впоследствии пример Торгового порта было предложено распространить на те фабрики и заводы, которые были близко расположены к Неве». По воспоминаниям Бернштейна, в 1942 г. в порту удалось выловить 2,5 тонны рыбы, в 1943 г. — 11 тонн, в 1944 г. — 7 тонн. «Доживем ли мы до тишины?» Записки из блокадного Ленинграда. СПб: Нестор-История, 2009. С. 204–205.

[3] В 2010 г. вышла монография Б. У. Серазетдинова, в которой, несмотря на весьма амбициозное название, речь идет не о заготовке рыбы в масштабах всей страны, а лишь о Северо-Западной Сибири, прежде всего Омской и Тюменской областях (*Серазетдинов Б. У.* Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2010). В книге на материалах местных архивов показано как посредством коллективизации промысловых хозяйств, привлечения к ловле рыбы эвакуированных и спецпереселенцев, осужденных, коренных народов при значительной поддержке центра в части предоставления орудий лова, топлива, строительства рыбокомбинатов удалось втрое увеличить добычу и переработку рыбы. При этом производительность труда из-за низкой квалификации новых кадров в среднем оставалась ниже довоенной (Там же. С. 227–229, 233–234). В Ленинграде в условиях города-фронта проблему кадров также пытались решить путем мобилизации рыбаков, но в целом способы решения задачи по заготовке рыбы были иными и в значительной степени опирались на сохранившийся промышленный потенциал.

[4] Рыбодобыча на внутренних водоемах Ленинградской области / Под ред. А. С. Черкасова. Л.: Лениздат, 1943.

[5] Рассуждая о когнитивных свойствах, которые лежали в основе теории перспектив, Даниэль Канеман (Daniel Kahneman) писал, что одним из трех важнейших был принцип неприятия потерь. «Эта асимметрия между силой положительных и отрицательных ожиданий или ощущений возникла в ходе эволюции. У организма, реагирующего на угрозу сильнее, чем на приятную перспективу, больше шансов на выживание и воспроизводство» (*Канеман. Д.* Думай медленно... решай быстро / Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. С. 369, 372).

[6] Потребление рыбы и морепродуктов достигло в СССР всего лишь 5,6 кг в год на душу населения. Это было меньше, чем в 1913 г. (6,7 кг), с которым обычно сравнивали показатели в тот период.

[7] В брошюре отмечалось, что при правильной эксплуатации ленинградские озера могли давать от 15 до 45 кг рыбы с 1 га водной площади в год, т. е. отдача пригородных озер могла стать вдвое больше и достигать 3,5 кг рыбы в год (Там же. С. 18, 21).

[8] Рыбодобыча на внутренних водоемах Ленинградской области. С. 7, 24.

[9] Там же. С. 27.

[10] Там же. С. 12.

[11] Название появилось в связи с ловлей определенных видов рыб так называемым частиком — частой мелкоячейной сетью (в отличие от крупноячейной, которыми ловят осетровых). Частиковая рыба подразделяется на крупночастиковую (щука, судак, сом, сазан) и мелкочастиковую (карась, чехонь).

[12] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 8.

[13] Там же. Л. 10.

[14] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5059. Л. 3.

[15] «Не подписанные и не отправленные письма». Материалы секретариата наркома рыбной промышленности СССР. 1939–1940 гг. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 56–69.

[16] Там же. С. 60.

[17] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 18. Л. 9–10, 13–14.

[18] Койвисто — нынешний Приморск. Курголово до войны было центром ижорского национального сельсовета, в который входили 5 населенных пунктов, более 300 хозяйств и 4 колхоза. С 1 сентября 1941 по 31 января 1944 г. Курголово находилось в оккупации.

[19] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 11.
[20] Там же. Л. 8.
[21] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 48–49. Л. 3–4.
[22] Там же. Л. 9.
[23] Там же. Л. 10.
[24] В письме содержался подробный перечень снастей, необходимых для лова каждой из упомянутых пород рыбы (Там же. Л. 10–11).
[25] Там же. Л. 11.
[26] Там же. Д. 50–59. Л. 9–11.
[27] Там же. Л. 8.
[28] Там же. Д. 48–49. Л. 3.
[29] Строительство отсадочных садков на 3 тыс. центнеров и пруда-хранилища с круглогодичным хранением на 2 тыс. центнеров; постройки плавучих садков-стационаров емкостью до 2 тыс. центнеров, пристани на реке Неве, 4 мотоботов озерного плавания и 10 живорыбных сойм для сбора рыбы на лову; выделение 4 живорыбных автомобилей (люкс) и 18 живорыбных вагонов. Предлагалось обязать трест «Ленрыба» организовать заготовку и сдачу живой рыбы, вылавливаемой комбайнами в Финском заливе, а Ленрыбаксоюзу и Ленгосрыбпромтресту создать необходимую материально-техническую базу на Финском заливе по заготовке и сдаче живой рыбы (Там же).
[30] Там же. Л. 1.
[31] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 377. Л. 16, 18.
[32] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 20. Л. 88, 120.
[33] Там же.
[34] Там же. Д. 77. Л. 13–18.
[35] Это было очень много с учетом сложных погодных условий, нехватки судов и снастей, а также опытных рыбаков. Отметим, что в 1940 г. в водоемах, непосредственно прилегавших к Ленинграду, было выловлено всего 5950 тонн рыбы, т. е. в среднем чуть более 16 тонн в день. К тому же добыча главного рыбного ресурса региона — корюшки, велась весной, а не осенью (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 8 об.).
[36] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 25. Л. 4–6. (Протокол № 14 заседания Продовольственной комиссии Военного Совета Ленфронта и материалы к нему).
[37] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4776. Л. 23 — 24 об.
[38] Там же. Л. 23.
[39] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 13. Д. 27. Л. 87–89.
[40] Там же. Оп. 15. Д. 188. Л. 39.
[41] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5743. Л. 6.
[42] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 8 об.
[43] В 1941 г. общая численность рабочих треста, не считая руководящий состав и вспомогательные службы, составляла 916 человек (ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 16. Л. 1а).
[44] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.
[45] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 8 об.
[46] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.
[47] Там же.
[48] Впоследствии в отчетных документах треста, которые направлялись в Смольный, количество добытой в 1942 г. рыбы выросло до 12 тыс. центнеров, что не нашло подтверждения в первичных ведомственных документах организации.
[49] РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 92. Л. 64–65.
[50] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–22.
[51] Там же. Л. 6–7.
[52] Для сравнения: в Новой Ладоге в весеннюю путину 1944 г. улов рыбы составил в отдельные дни: 29 апреля — 2,7 тонны, 30 апреля — 5 тонн, 1 мая — 15 тонн, 2 мая — 25 тонн, 3 мая — 30 тонн, т. е. всего за 5 дней было поймано 77,7 тонн рыбы (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 188. Л. 39).

[53] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 20. Л. 7, 8.
[54] Там же. Д. 23. Л. 2.
[55] К началу навигации удалось подготовиться, и за 7 месяцев работы была лишь одна поломка винта моторной лодки «Двина» и пробой обшивки несамоходного судна при бомбежке на Ладожском озере (Там же. Д. 22. Л. 13).
[56] Там же.
[57] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.
[58] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5835. Л. 8.
[59] Там же. Л. 6.
[60] В сентябре 1942 г. Харитонов вновь жаловался в Смольный на военных из-за хищения 40 кубометров дров. Он сообщал А. А. Жданову, что 5 сентября 1942 г. у него произошел конфликт с командиром и старшим политруком корабля «Стойкий», которые поощряли вывоз с территории фабрики «Канат» дров, заготовленных на зиму (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5835. Л. 12–13).
[61] Там же. Д. 23. Л. 3.
[62] Там же. Д. 20. Л. 52.
[63] Там же. Д. 5856. Л. 11–12.
[64] Всего в главной конторе Главрыбсбыта работало 17 человек, на базе № 1 — 80, на базе № 2 — 23 человека (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 1, 3–5).
[65] Например, на базе № 1 за хищение была задержана ст. бухгалтер Зубова, но дирекция не только не передала дело в правоохранительные органы, но оставила ее на работе на той же базе, вследствие чего та же Зубова была вторично задержана за хищение (Там же. Л. 1 об.).
[66] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 9.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] Там же. Л. 11.
[70] Желание максимально использовать местные ресурсы определялось и тем, что вследствие неурожая зерновых в Ленинграде 25 ноября 1943 г., впервые после 19 ноября 1941 г., были снижены на 50–100 г нормы выдачи хлеба, а позднее введены различные добавки в муку (овса, ячменя, пшена, жмыха). Правительство также ориентировало городское руководство на всестороннее развитие местной промышленности, аргументируя это тем, что ресурсы страны в первую очередь будут направлены на восстановление разрушенных городов на юге — Харькова, Киева, Донбасса (Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь — декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. СПб.: Арт-Экспресс, 2018. С. 7, 533).
[71] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.
[72] Там же.
[73] Там же. Л. 5.
[74] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 183. Л. 12.
[75] Там же. Д. 188. Л. 35.
[76] Там же. Д. 183. Л. 11.
[77] Там же. Л. 12.
[78] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–2.
[79] Там же. Д. 31. Л. 1, 8–9.
[80] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 188. Л. 35.
[81] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.
[82] Там же. Л. 54.
[83] Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь — декабрь 1943. С. 451.
[84] ЦГА СПб. Ф. 9827. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

References

KIRAPOVA E. R. "Ne podpisannye i ne otpravlennye pis'ma". Materialy sekretariata narkoma rybnoi promyshlennosti SSSR. 1939–1940. ['Not signed and not sent letters'. Papers from the Secretariat of the People's Commissar for Industrial Fishing of the Soviet Union. 1939–1940. In Russ.] // Istoricheskii archiv. 2011. N 2. P. 56–69.

KOVALCHUK V. M., RUPASOV A. I., TCHISTIKOV A. N. "Dozhivem li my do tishiny?" Zapiski iz blokadnogo Leningrada. ['Will we live to peacetime?' Notes from the blockade Leningrad. In Russ.]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2009.

SERAZETDINOV B. U. Rybnij front i ego rol' v smiagchenii prodovolstvennoi problemy v SSSR. 1941–1945. [The fish front and its contribution to the food problem reduction in the Soviet Union. 1941–1945. In Russ.]. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2010.

TCHERKASOV A. S. Rybodobycha vo vnetrennikh vodoemakh Leningradskoi oblasti. [Industrial fishing in inland waters of Leningrad region. In Russ.]. Leningrad: Lenisdat, 1943.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. А. Ломагин. Кругом вода, а рыбы нет: к вопросу об обеспечении Ленинграда местными ресурсами в период блокады, 1941–1944 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 101–129

Аннотация: Ленинград к началу войны обладал значительным потенциалом для ведения рыбного промысла и мог покрывать более половины потребностей населения в рыбе, однако в масштабах страны он был незначительным и по этой причине рыбопромышленный комплекс не получал необходимой поддержки из центра. Как и большинство других видов продовольствия, рыба в город завозилась прежде всего из Мурманска. В период войны потенциал рыбодобычи значительно сократился в связи с рядом факторов: утратой территории и связанного с этим доступа к ряду водоемов, мобилизацией значительной части рыболовецкого флота и рыбаков в армию, изменившимся и нестабильным режимом работы на ключевых водоемах, приоритетом вопросов безопасности (режим использования Невы, акватории Финского залива, а также ледовой трассы по Ладоге) над хозяйственной деятельностью. В 1941–1942 гг. существенное влияние на снижение вылова рыбы на Финском заливе оказала депортация рыбаков-финнов. Только в 1942 г. потери составили около 1 тыс. тонн рыбы. В целом рыбодобыча в блокированном Ленинграде – это проблема сложнейших согласований гражданских органов с военными, которые на низовом уровне зачастую грешили злоупотреблениями, фактически лишая рыбаков их улова. Потребности населения и защитников города в рыбе по-прежнему удовлетворялись за счет внешнего завоза. В 1943–1944 гг. Смольный принял ряд важных решений, которые позволили к концу войны частично восстановить производственную базу отрасли.

Ключевые слова: Ленинградская область, рыбная отрасль, блокада Ленинграда, голод, трест «Ленрыба», Военный Совет Ленинградского фронта, Смольный.

FOR CITATION

N. A. Lomagin. We are surrounded by water but there is no fish: on the issue of food supplies of Leningrad by the local resources during the blockade, 1941–1944 // Petersburg historical journal, no. 2, 2021, pp. 101–129

Abstract: On the war eve, Leningrad has got the significant potential for industrial fishing which could cover about half of the city's demand for fish. At the same time, the Soviet government did not consider inland waters of the Leningrad region as its priority for industrial fishing. For this reason, the city did not get proper support from Moscow. A bulk of foodstuff including fish was transported to Leningrad. During the war, the situation has radically changed. First, some territories of the Leningrad region including inland waters were

occupied by the German and Finnish troops. Second, many fishermen and fishing boats were mobilized for the army. Third, remaining fishermen ought to work in conditions where security interests prevailed over economic ones. Many waters were closed for fishing including the Neva river, most parts of the Gulf of Finland, and Ladoga lake. Deportation of the fishermen of Finnish descent from the Leningrad region also contributed to the substantial decline in fishing in the Gulf of Finland. In 1942 alone losses over there were about 1,000 tons of fish. In general, the fishing in the besieged city was a complicated issue of bargaining and negotiations between the military and civil authorities. At the end of the day, at the grass-roots level, the military prevailed. The city's demand for fish was, by and large, covered by shipment from other regions of the Soviet Union. In 1943–1944, Smolny made a series of the important decisions that allowed in part to restore the industrial base of fishing in the Leningrad region.

Key words: Leningrad region, industrial fishing, siege of Leningrad, hunger, trust "Lenryba", the Military Council of Leningrad front, Smolny.

Автор: **Ломагин, Никита Андреевич** — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.
Author: **Lomagin, Nikita Andreevich** — professor of the European University at St. Petersburg.
E-mail: lomagin@eu.spb.ru
ORCID: https://orcid.org/0000–0002–9674–6159